

Но делать нечего — нужно считаться с фактами, новый год наступил, ему уже дни от роду, и он уже прожил некоторые проблески сознания: он еще не умеет говорить, а уже просит денег... Впрочем, ничего другого нельзя было ожидать от последнего года ultra-меркантильного девятнадцатого столетия.

1898 год в историческом смысле был самым богатым и оригинальным за последние десятилетия. Много произошло в его короткую жизнь и хороших, и скверных историй, — и будущему Пестору утешающего вѣсна придется много потрудиться над этими покойником, раньше, чѣмъ подвести вѣрный итог его деятельности и произнести над ним справедливый приговор. Много неясного и недосказанного в его словах и делах. Много неуловимых тонких переходов от одного настроения к другому... Это какая-то символистическая поэма, которую можно почувствовать, но почти невозможно понять.

Народиншемуся году предстоит тяжелый труд разобраться в этом туманном наследии и с достоинством закончить девятнадцатый вѣкъ. Пожелаем же ему успеха в этой великой задаче и будем надеяться, что он доведет до конца те начала мира, справедливости и любви к человечеству, которыми умирающее столетие ознаменовало свое побѣдное шествие по тернистому пути прогресса!

В области изящных искусств и литературы девятносто восьмой год не сдался почти ни одного завоевания, а потому его преемнику придется восполнить этот пробѣлъ. Взоры всего человечества по-прежнему устремлены на Ясную Поляну, — и все эстетическое надежды связаны с великим именем Льва Николаевича Толстого!..

С.ами.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Второе представление «Чайки».

28 декабря «Художественно-общедоступный» театр, как и в первое представление «Чайки», был совершенно полон. В зрительном зале чувствовалось то особенное, нервное напряжение, которое так рѣдко приходится наблюдать: необыкновенная чуткость публики, страстно сосредоточенное внимание къ каждому слову на сценѣ. Тишина удивительная! Пьесу не только смотрѣли: ее саушали и воспринимали. Минутами казалось, что съ подмостков говорить

сама жизнь — а большого театр дать не может! Мне привелось видѣть «Чайку» в Александринском театрѣ тоже на второмъ представлении, и теперь и могу сопоставить эти два спектакля.

Всѣмъ извѣстно, что «Чайка», раздѣляя судьбу многихъ шедевровъ драматической литературы, на первомъ представлении в Петербургѣ — «провалилась». Пьеса сложная, и причины неуспѣха были тоже сложные.

1) Пьеса раздражала старыхъ литераторовъ своими новшествами. Оригинально оборванная оконченія ~~актъ~~, поэтический, но безпош ~~даже~~ пессимизмъ автора, некоторые персонажи, напр. Маша Шамраева (зачѣмъ она нюхаетъ табакъ?) подозрѣніе, что авторъ сочувствуетъ «декаденту» Треплеву и его символической пьесѣ — все это вызвало ужасный гнѣвъ «нашихъ маститыхъ беллетристовъ». Одинъ «маститый» в своемъ рефератѣ о «Чайкѣ», просто рвалъ и металъ, а когда его спросили: да вы видѣли пьесу на сценѣ? отвѣтилъ съ негодованіемъ: не видѣлъ и смотрѣть не хочу: я ее знаю по рукописи! Вообще старички-шестидесятники усмотрѣли в пьесѣ «господина Чехова» дерзость немовѣрную: онъ осмѣлился быть самимъ собою на освященныхъ традиціяхъ подмосткахъ! Вѣ тому же, по правдѣ сказать, русская сцена за послѣдніе годы такъ приучила всѣхъ къ проваламъ новыхъ пьесъ, что въ успѣхъ новинки какъ-то не вѣрилось. Нанюхавшись разной дрянью, цѣнители и судьи утратили обоняніе и перестали различать запахи.

2) Пьеса раздражала молодыхъ писателей... «Какой это символизмъ!» — горячилась одинъ изъ нихъ. — Чеховъ не знаетъ символизма!» — «Позвольте, — возражали другіе, — Чеховъ написал. Треплева неудачникомъ, пьеса Треплева — неудачное произведение. Чеховъ знаетъ, пишетъ живыхъ людей, а не воплощеніе идей или направлений»... Но молодые писатели пожимали плечами. Однако, одинъ изъ крутившихся поэтовъ восьмидесятыхъ годовъ, отличающійся при томъ философскимъ складомъ ума, послѣ 3 акта восторженно воскликнулъ: «это гениально!» Я совершенно сочувственно встрѣтилъ такой отзывъ: когда въ поэтическомъ произведении мѣстами чувствуется глубина недостижимая для анализа — оно гениально, несмотря на недостатки.

3) Некоторые журналисты почему-то отождествляли Чехова съ «Новымъ Временемъ» и не прочь были провалить пьесу «изъ того лагеря», хотя, кажется, не трудно было изъ произведений Чехова убѣдиться, что онъ не принадлежитъ ни къ какому лагерю и всего меньше можетъ считаться партійнымъ писателемъ.

Но кто не съ нами, тотъ противъ насъ, да, наконецъ, хватить всѣхъ опасно: можно опростоволоситься, а брань, по меньшей мѣрѣ, доказываетъ превосходство бранителя.

4) Къ главнымъ причинамъ неуспѣха присоединились другія — частью внутреннія: сложная психологія дѣствующихъ лицъ, смѣлость, съ которою авторъ раскрываетъ постыдныя тайны жизни, какъ клоаки, на которыхъ выстроены дворцы... частью внѣшнія, закулисныя причины: г-жа Савина, для которой назначена была великолѣпная роль Аркадиной, вдругъ отказалась: ее пришлось замѣнить г-жею Дюжиною — которая, начекая, была въ роли Аркадиной очень хороша. Актеры, смущенные ивно враждебнымъ отношеніемъ партера, потеряли почву подъ ногами, сбивались.

На второмъ спектаклѣ все пришло въ порядокъ, и публика, сверхъ ожиданія, приняла пьесу и артистовъ сочувственно. Дѣло какъ будто поправилось, — но тутъ пошли какія то закулисныя усложненія, и пьесу сняли съ репертуара, когда она могла сдѣлаться репертуарною, быть, можетъ, на многие годы.

Въ московской печати уже было отмѣ-

чено, что успѣхъ «Чайки» въ Москвѣ независимъ отъ политическаго обаянія драмы обусловленъ и тщательностью постановки. Отдавая полную справедливость артистичности режиссерской части и стилистичности исполненія, мы считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторые маленькіе недостатки.

Первымъ мы считаемъ неудачное красное освѣщеніе въ началѣ 1-го и 4-го актовъ. Оно совершенно фальшиво и придаетъ всему искусственный колоритъ зарева пожара. Такое освѣщеніе, тусклое и злобщее, мѣшаетъ видѣть и слышать. Поставить въ 1-мъ и 2-мъ актѣ большую скамью прямо передъ рампою, а дѣствующихъ лицъ усадить рядкомъ на скамью вѣдомъ въ публикѣ — *en rang d'obéissance* — неоправданно, можетъ быть, и смѣлое, но не совсѣмъ удачное. Актеры стѣсняются, вынуждены говорить въ сторону, поворачиваясь профилемъ, — иначе ихъ неслышно, а слышатъ ихъ, освѣщенные рампою, представляютъ особенно прилежательное зрѣлище. Четвертый актъ исполняется слишкомъ «тягуче»: онъ долженъ бы идти гораздо быстрее, съ меньшими паузами (которыми злоупотребляютъ г. Мейерхольдъ и г-жа Романова). Напротивъ знаменитая сцена между матерью и сыномъ въ 3-мъ актѣ прошла какъ-то скучно, рѣзко, грубовато и не произвела надлежащаго впечатлѣнія. У г. Мейерхольда вырвался, вѣтъ мнѣ кажется, слишкомъ причащій ноты, бранчивыя интонаціи. Тутъ была невѣрность тона, можетъ быть, подзуды. И въ первомъ актѣ онъ былъ немножко рѣзокъ, а всю роль провѣлъ очень обдуманно и тепло. Самая трудная сцена — конецъ 4 акта и монологъ Нины съ повтореніемъ «я — Чайка». Съ нимъ плохо справлялась г-жа

Комиссаржевская. Онъ не вышелъ и у г-жи Романовой, но въ этомъ мѣстѣ, вся роль проведена была молодцомъ артисткою съ замѣчательною искренностью, и я рѣшительно не могу согласиться съ упреками нѣкоторыхъ рецензентовъ по ее адресу.

Конечно, г-жа Комиссаржевская давала болѣе яркую фигуру, въ роль Нины Зарѣчной всякой талантливой актрисѣ дасть богатый матеріалъ. За то г-жа Книпперъ и г. Станиславскій значительно выше петербургскихъ «первообразовъ». Первая всю свою роль играетъ съ удивительнымъ блескомъ, изяществомъ и натуральностью. Только въ кульминаціонномъ пунктѣ, въ большой сценѣ 3 акта она немножко слабѣетъ въ моментѣ примиренія съ сыномъ: патетическія ноты звучатъ недостаточно искренно, и онѣ должны быть глубоко-искренны, несмотря на фальшивость натуре. Если актриса нарочно дасть слегка почувствовать, что патетизмъ матери здѣсь театраленъ, что въ немъ есть нѣчто запускное, то она дѣлаетъ ошибку. Замыселъ автора лежить глубже, онъ нигдѣ не останавливается на предпослѣдованномъ и вѣдь освѣщаетъ глубины души невидимыми лучами спектра.

Г. Станиславскій, какъ истинный артистъ, въ «Чайкѣ» совершенно преобразуется. Все въ роли Третьякова — него ново и своеобразно. Онъ неизмѣнно выше, тоньше и интереснѣе г. Сазонова у котораго, кромѣ рутины и знанія сцены, никакихъ особенныхъ способностей и никогда не замѣчалъ. Г. Станиславскій по тону и манерѣ очень напоминаетъ одного изъ нашихъ лучшихъ ролеистовъ. Нельзя, конечно, сравнивать громадный талантъ В. Н. Давыдова, создавшаго въ Петербургѣ роль Сорина, съ артистомъ, играющимъ ее здѣсь. Кто видѣлъ разъ Давыдова въ «Чайкѣ» никогда не забудетъ фигуру Сорина. То было совершенно живое лицо, заставлявшее васъ забыть, что вы въ театрѣ. Г. Лужскій играетъ роль въ томъ же мягкомъ тонѣ, съ тѣмъ же гримомъ, и съ большою теплотою. Кажется, что въ 3-мъ актѣ послѣ удара ему слѣдуетъ быть потише... М. И. Писаревъ былъ крупнѣе и значительнѣе въ роли Дорна, чѣмъ г. Вишневскій, однако послѣдній какъ по внѣшности, такъ и по тону очень удачно олицетворялъ оригинальное созданіе Чехова, и далъ цѣльный, выдержанный типъ. Очень оригинально сыграла роль Маши г-жа Янина. Г. Артемъ обладаетъ значительною комическою силою и дѣйствуетъ на публику неотразимо. Всѣ исполнители второстепенныхъ ролей вѣтъ-же уступали петербургскимъ. Г-жа Евская, г. Тихомировъ, даже маленькіе персонажи — всѣ содѣйствовали ансамблю. Декораціи *interieur*овъ и вся ихъ обстановка превосходны. Сцена отъѣзда въ 3-мъ актѣ исполнена живости и движенія.

А. И. Урусовъ.

КУРЬЕР, М.

1899, 3 января, № 3

с. 3.

ТЕАТР И МУЗЫКА

Второе представление "Чайки".*

28 декабря "Художественно-общедоступный" театр, как и в первое представление "Чайки", был совершенно полон. В зрительном зале чувствовалось то особенное, нервное напряжение, которое так редко приходится наблюдать: необыкновенная чуткость публики, страстно сосредоточенное внимание к каждому слову на сцене. Тишина удивительная. Пьесу не только смотрели: ее слушали и воспринимали. Минутами казалось, что с подмостков говорит сама жизнь, — большего театр дать не может. Мне привелось видеть "Чайку" в Александринском театре, тоже на втором представлении, и теперь я могу сопоставить эти два спектакля.

Всем известно, что "Чайка", разделяя судьбу многих шедевров драматической литературы, на первом представлении в Петербурге — "провалилась". Пьеса сложная, и причины неуспеха были тоже сложные.

1) Пьеса раздражала старых литераторов своими новшествами. Оригинально оборванные окончания актов, поэтический, но беспощадный пессимизм автора, некоторые персонажи, напр., Маша Шамраева ("зачем она нюхает табак"), подозрение, что автор сочувствует "декаденту" Треплеву и

* То же в кн.: Князь Александр Иванович Урусов. т. II, СПб., 1907, с. 34-38; то же: Московский Художественный театр. т. I. /М./, изд. "Рампа и жизнь"/1913/, с. 53-55; то же: Соболев Юрий. Чехов. Статьи. Материалы. Библиография. М. "Федерация", 1930, с. 171-174. См. письма А.И. Урусова к Ч. от 5 января и _____ 1899 г. по поводу этой рецензии /ГБЛ; цитаты: Соболев Ю. Указ. соч., с. 174-175. Слово, Сб-к 2-й. М., 1914, с. 286-289.]

его символической пьесе, — все это вызывало ужасный гнев "наших маститых беллетристов". Один "маститый" в своем реферате о "Чайке" просто рвал и метал, а когда его спросили: да вы видели пьесу на сцене, — ответил с негодованием: "не видел, и смотреть не хочу: я ее знаю по рукописи". Вообще старички-шестидесятники усмотрели в пьесе "господина Чехова" дерзость невероятную: он осмелился быть самим собою на освященных традициями подмостках. К тому же, по правде сказать, русская сцена за последние годы так приучила всех к провалам новых пьес, что в успех новинки как-то не верилось. Нанюхавшись разной дряни, ценители и судьи утратили обоняние и перестали различать запахи.

2) Пьеса раздражала молодых писателей... "Какой это символист, — горячился один из них, — Чехов не знает символистов". — "Позвольте, — возражали другие. — Чехов написал Треплева неудачником, пьеса Треплева — неудачное произведение. Чехов знает, пишет живых людей, а не воплощение идей или направлений"... Но молодые писатели пожимали плечами. Однако, один из крупнейших поэтов восьмидесятых годов, отличающийся притом философским складом ума, после 3 акта восторженно воскликнул: "это гениально". Я совершенно сочувственно встретил такой отзыв: когда в поэтическом произведении местами чувствуется глубина, недостигаемая для анализа — оно гениально, несмотря на недостатки.

3) Некоторые журналисты почему-то отождествляли Чехова с "Новым временем" и не прочь были провалить пьесу "из того лагеря", хотя, кажется, не трудно было из произведений Чехова убедиться, что он не принадлежит ни к какому лагерю и всего менее может считаться партийным писателем. Но кто не с нами, тот против нас. Да, наконец, хватить всех опасно: можно опростоволоситься, а брань, по меньшей мере, доказывает превосходство бранителя.

4) К главным причинам неуспеха присоединились другие — частью внутренние: сложная психология действующих лиц, смелость, с которой автор раскрывает постыдные тай-

ны жизни, как клоаки, на которых выстроены дворцы... частью внешние, закулисные причины: г-жа Савина, для которой назначена была великолепная роль Аркадиной, вдруг отказалась: ее пришлось заменить г-жею Дюжиковой - которая, паче чаяния, была в роли Аркадиной очень хороша. Актеры, смущенные явно враждебным отношением партнера, потеряли почву под ногами, сбивались.

На втором спектакле все пришло в порядок, и публика, сверх ожидания, приняла пьесу и артистов сочувственно. Дело как будто поправилось, но вдруг пошли какие-то закулисные осложнения, и пьесу сняли с репертуара, когда она могла сделаться репертуарною, быть может, на многие годы.

В московской печати уже было отмечено, что успех "Чайки" в Москве, независимо от поэтического обаяния драмы, обусловлен и тщательностью обстановки. Отдавая полную справедливость артистичности режиссерской части и стилистичности исполнения, мы считаем необходимым указать на некоторые маленькие недочеты.

Первым мы считаем неудачное красное освещение в начале 1-го и 4-го актов. Оно совершенно фальшиво и придает всему неестественный колорит зарева пожара. Такое освещение, тусклое и зловещее, мешает видеть и слышать. Поставить в первом и втором актах большую скамью прямо перед рампой, а действующих лиц усадить рядом на скамью задом к публике - *en rang d'aignons* - нововведение, может быть, и смелое, но не совсем удачное. Актеры стесняются, вынуждены говорить в сторону, выворачиваясь профилем, - иначе их не слышно, а силуэты их, освещенные рампой, представляют не особенно привлекательное зрелище. Четвертый акт исполняется слишком "тягуче": он должен бы идти гораздо быстрее, с меньшими паузами (которыми злоупотребляют г. Мейерхольд и г-жа Роксанова). Напротив, знаменитая сцена между матерью и сыном в 3-м акте прошла как-то скомкано, резко-грубовато и не произвела надлежащего впечатления: у г. Мейерхольда вырвались, как мне кажется, слишком кричащие ноты, бранчливые интонации. Тут была

неверность тона, может быть, полутона. В первом акте он был немножко резок, а всю роль провел очень обдуманно и тепло. Самая трудная сцена — конец 4-го акта и монолог Нины с повторением "я — чайка". С ним плохо справлялась и г-жа Коммиссаржевская. Он не вышел и у г-жи Роксановой, но кроме этого места, вся роль проведена была молодой артисткой с замечательной искренностью, и я решительно не могу согласиться с упреками некоторых рецензентов по ее адресу.

Конечно, г-жа Коммиссаржевская давала более яркую фигуру, но роль Нины Заречной всякой талантливой актрисе дает богатый материал. Зато г-жа Книппер и г. Станиславский значительно выше петербургских "первообразов". Первая всю свою роль играет с удивительным блеском, изяществом и натуральностью. Только в кульминационном пункте, в большой сцене 3-го акта, она немножко слабеет в момент примирения с сыном: патетические ноты звучат недостаточно искренно, а они должны быть глубоко искренни, несмотря на фальшивость натуры. Если актриса нарочно дает слегка почувствовать, что патетизм матери здесь театрален, что в нем есть нечто напускное, то она делает ошибку. Замысел автора лежит глубже, он нигде не останавливается на преднамеренном и везде освещает глубины души невидимыми лучами спектра. Г. Станиславский, как истинный артист, в "Чайке" совершенно преобразуется. Всё в роли Григорина у него ново и своеобразно. Он неизмеримо выше, тоньше и интереснее г. Сазонова, у которого, кроме рутины и знания сцены, никаких особенных способностей я никогда не замечал. Г. Станиславский по тону и манерам очень напоминает одного из наших лучших романистов. Нельзя, конечно, сравнивать громадный талант В.Н. Давыдова, создавшего в Петербурге роль Сорина. То было совершенно живое лицо, заставлявшее вас забыть, что вы в театре. Г. Лужский играет роль в том же мягком тоне, с тем же гримом и с большою теплотой. Кажется, что в 3-м акте после удара ему следует быть потише... М.П. Писарев был крупнее и значительнее в роли Дорна, чем Вишневский, однако последний, как

по внешности, так и по тону, очень удачно олицетворил оригинальное создание Чехова и дал цельный, выдержанный тип. Очень оригинально сыграла роль Маши г-жа Лилина. Г. Артем (Шамраев) обладает значительной комической силой и действует на публику неотразимо.

Все исполнители второстепенных ролей ничем не уступали петербургским. Г-жа Раевская (Шамраева), г. Тихомиров (Медведенко), даже маленькие персонажи — все содействовали ансамблю. Декорации интерьеров и вся их обстановка превосходны. Сцена отъезда в 3-ем акте исполнена живости и движения.

А. И. Урусов.